

В. М. Амиров

О ВОЙНЕ И МИФЕ

Перед сторонами любого военного конфликта всегда стоит задача формирования «управляемого мифологического пространства»¹, включающего информацию, которая, с одной стороны, оправдывает их действия, а с другой — выполняет мобилизующие функции по отношению к собственным вооруженным силам и населению, формируя перед ними четкий образ врага и обрисовывая сверхзадачу, которая, как правило, превосходит по масштабам задачу принципиального обеспечения военной победы. Такой миф формируется целенаправленно и системно, он «необходим для оправдания действий и их результата, для мобилизации сил коллектива. В коллективе при этом существует установка, выраженная в мифе»².

Сама форма мифа — особый механизм, позволяющий переводить сложную информацию на понятный язык, схематизирующий реальность. Созданная схема сложного события, явления по мере его развития позволяет «мифотворцу» подводить под нее любые факты. «Миф поглощает, “пожирает” практически любую конкретику, что делает его высокотехнологичным средством манипуляции общественным сознанием. Если реальная политическая жизнь постоянно преподносит сюрпризы, то миф позволяет упорядочивать происходящие события»³. Освещение такого сложного события, как война, вряд ли может в наше время, а может быть и в любое другое, обойтись без обращения к мифологической схематизации. Понятно, что поскольку «военный» миф обращен прежде всего к армии и военной организации государства, медиаканалом для его формирования и распространения выступает в первую очередь военная печать. «Военный» миф, как и любой другой, представляет собой «отпечаток особого взгляда на мир»⁴, однако имеет и принципиально важную специфическую черту — он встроен в систему государственной информационной политики и может создаваться или разрушаться в зависимости от стратегических целей этой политики.

До начала 90-х гг. XX в., до принятия решений, законодательно закрепивших возможность появления независимых СМИ, в том числе и адресованных людям в погонах, и до создания таких широко ныне известных негосударственных изданий, как «Независимое военное обозрение», «Солдат удачи», «Сержант» и др., монополия на военную печать целиком принадлежала государству, которая функционировала, «доводя до народных

АМИРОВ Валерий Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького (E-mail: vestnik-va@mail.ru).

© Амиров В. М., 2008

масс «правильные» решения руководства и одновременно разоблачая «неправильные» взгляды зарубежных и доморощенных идеологических противников»⁵. Редакционную политику «государственных и ведомственных СМИ можно охарактеризовать одним емким словом: пропаганда»⁶, поэтому, исследуя закономерности построения мифологизированного информационного пространства военных конфликтов, в которых участвовал Советский Союз, мы можем говорить о пропагандистском мифе, создаваемом и транслируемом через государственные военные СМИ. Под пропагандой понимается «распространение и углубленное разъяснение каких-либо идей, учений, знаний. Процесс распространения взглядов, ценностей, знаний и т. п. с целью внедрения в поведенческие установки людей»⁷. Пропаганда «военной» сверхзадачи, таким образом, строится на «универсальных схемах мифологем»⁸, в ней используется «сакрализованное и догматическое выражение социальных обычаев и ценностей»⁹.

При этом важно понимать, что мифологизированное информационное пространство военного конфликта формируется с использованием вполне конкретных фактов, цифр, с привлечением всевозможных реальных источников, т. е. «военный» миф «начисто и всецело реален и объективен»¹⁰.

Функционирование такого мифа может ограничиваться, а может и не ограничиваться информационным пространством войны. В случае ненужности вследствие, например, смены государственного политического курса «военный» миф может быть целенаправленно и достаточно быстро разрушен сразу после окончания военного конфликта. Миф, даже созданный пропагандистской машиной государства, весьма хрупок. Схема не выдерживает замены ключевых элементов, кроме того, для ее разрушения достаточно даже относительно небольшого усложнения аргументации.

Чтобы подробнее рассмотреть черты «военного» мифа, процессы его создания и разрушения, рассмотрим публикации военной прессы по различным аспектам войны в Афганистане. Война в Афганистане показательна как с точки зрения продолжительности (десять лет — 1979–1989 гг.), так и потому, что она проходила для Советского Союза на стыке двух общественно-экономических формаций, начавшись еще в эпоху «развитого социализма» и завершившись во время «перестройки», радикально повлиявшей на идеологические установки, предпосылавшиеся обществу и Вооруженным силам правящей Коммунистической партией. Кроме того, мотивы, по которым был осуществлен ввод советских войск в Афганистан, ход и результаты войны подверглись критическому переосмыслению в более поздних публикациях, что и представляет интерес при анализе судьбы «военного» мифа. Тема войны в Афганистане актуализирована также событиями последних лет — войной, которую в Афганистане ведут США и их союзники.

Разумеется, результаты и последствия войны в Афганистане глубоко анализировались и в общеполитической печати, однако, «военные» публи-

кации представляют особый интерес, поскольку, во-первых, как правило, отражают государственную позицию, а во-вторых, рассматривают проблему под углом корпоративности, оставаясь на стороне армии, что бы с ней ни произошло в эти годы.

Сверхзадача мифа, создаваемого в военной печати в период начала боевых действий в Афганистане, заключается в формировании в коллективном сознании аудитории двух принципиально важных идей. Во-первых, оценки ввода войск как некой бескорыстной братской помощи сопредельному государству, во-вторых, мысли о необходимости проявить такие качества, как мужество, самоотверженность, готовность к самопожертвованию во имя выполнения боевых задач, поставленных Родиной. Таким образом, мифологическую схему можно представить так: советские солдаты выполняют интернациональную миссию помощи дружественному афганскому народу в отстаивании его национальных интересов.

В настоящей статье дается анализ элементов, из которых складывается миф, закреплённый в текстах ряда военных изданий по «афганской» проблематике непосредственно периода войны, а также показывается, по каким направлениям этот миф был подвергнут разрушению в более поздних публикациях.

Для анализа выбраны следующие публикации: *Александров А.* Верность долгу // Фрунзевец. 1983. 19 июня; *Барынькин В.* От Пули-Хумри до Кабула // Воен.-ист. журн. 2001. № 12; *Варенников В.* Нас по-прежнему зовут шурави // Красная звезда. 2007. 14 февр.; *Виноградов В.* На телеэкране — «Афганский дневник» А. Каверзнева // Там же. 1983. 17 июня; *Громов Б.* Афганистан: уроки и выводы // Воен.-ист. журн. 1989. № 3; Гоблин о «9-й роте» // Спецназ России. 2005. № 10; *Кабанов В.* «Радиоголос» для бандитов // Фрунзевец. 1985. 16 сент.; *Кузнец Ю.* Афганистан — это ящик Пандоры, источник разногласий на всех уровнях // Красная звезда. 2004. 25 дек.; *Куличкин С.* Верю в лучшее отношение к армии // Православное воинство [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.voskres.ru/army/spirit/vera.htm>; *Михайлов Э.* Афганский дневник // Воин России. 2001. № 5; *Мусаелян Г.* Весна борьбы и надежд // Красная звезда. 1982. 21 марта; *Небренчин С.* Входя в Афган, подумай, как вернешься // Воин России. 2001. № 12; *Олейник А.* Тайна лагеря Бадабера // Красная звезда. 1990. 21, 24, 25, 26 июля; «Ташакур», советский солдат // Фрунзевец. 1983. 26 июня; *Ястребов Я.* Девятая рота // Красная звезда. 2005. 11 окт.

Рассмотрим материал. В качестве противоборствующих сил представлены с одной стороны — Советский Союз и его Ограниченный контингент, с другой — вооруженная оппозиция (мятежники, бандиты, враги Апрельской революции).

Цели ввода войск

В соответствии с мифом

В публикациях военной печати обозначается больше идеологическая, чем чисто военная, цель ввода Ограниченного контингента в ДРА. В материале нет указаний на наличие хоть какой-то угрозы для границ СССР или населения нашей страны. Странно было бы в 1979 г. прочесть в газете, что одна из военных держав, обладающих атомным оружием, тысячами танков и самолетов и армией в пять миллионов человек, видит угрозу для себя со стороны Афганистана. И хотя, по сути, речь идет об интервенции, но заявляется, что ввод войск обусловлен высшими целями помощи соседнему государству. Эта деталь — *помощь* — позволяет подключить к схеме разные смыслы. Подчеркивается легитимность акции, поскольку помощи попросило афганское правительство: «Цели и задачи ввода наших войск состояли не в захвате Афганистана, не в его оккупации, не в выкачивании из этой страны полезных ископаемых, а в выполнении Межгосударственного договора между СССР и Республикой Афганистан от 1978 года»; «мы по просьбе руководства Афганистана решили ввести туда ограниченный контингент войск с целью стабилизировать обстановку».

Помощь северного соседа понадобилась для того, чтобы защитить плоды Апрельской революции, следовательно, *государства* представлены, так сказать, как братья по крови, а помощь, естественно, как помощь братская: «За скупыми фразами боевых донесений тех дней сокрыты судьбы и подвиги мужественных людей — воинов, которых послало государство защитить Апрельскую революцию»; «Коммунист, отправляющий комсомольцев оказывать интернациональную военную помощь братскому афганскому народу».

Срабатывает переключка «темпоральных» названий революций: Октябрьская — в Советском Союзе, Апрельская — в Афганистане. Выстраивается параллель (неявно, а в силу связи со стереотипом, с детства внедряемым в сознание каждого жителя СССР): Октябрьская революция принесла счастье советскому народу, Апрельская революция также может принести счастье афганскому народу, но только ему нужно помочь: «...Мы силовыми методами добивались того, чтобы народ Афганистана жил спокойно, участвовали в проведении политики национального примирения»; «нет более важной задачи, чем создание счастливого, независимого и процветающего Афганистана»; «мы уходим из дружественного нам Афганистана, выполнив миссию доброй воли».

Отсюда следует, что солдаты, сражающиеся с врагами Апрельской революции, выполняют свой интернациональный и в то же время патриотический долг, так эти два качества — *патриот* и *интернационалист* — обеспечили функционирование неких постоянных эпитетов в словесной реализации мифологической схемы: «...Наши молодые воины, вчерашние учащиеся и

студенты, рабочие и колхозники, и даже так называемые “металлисты” и рокеры, в ходе службы в Афганистане проходят подлинную школу патриотизма и интернационализма»; «советские военные медики — люди высокой чести, патриоты-интернационалисты».

Разрушение мифа

Прежде всего из мифологической схемы выпадает звено «цель — помощь Афганистану», а то, что ставится на это место, сразу вычеркивает из мифа смыслы «революционное братство» и «интернациональный долг» (со смыслом «патриотический» дело обстоит сложнее). Так что же ставится на место элемента «цель — помощь Афганистану»? Во-первых, фиксируется незаинтересованность Советского Союза в Афганистане как таковом: «...Единственное, чем полезен нам Афганистан, — это тем, что без него не попадешь в Индию».

Следовательно, во-вторых, эта страна интересует Советский Союз лишь в связи с какими-то привходящими факторами. И такими факторами представлена возможность использования территории Афганистана геополитическими противниками России: «Командование полагало, что войска не будут вмешиваться в афганские дела, просто встанут на границах, чтобы у Пакистана или у Ирана не было соблазна ввести войска в Афганистан»; «приход в Афганистан американцев затрагивал бы интересы нашей государственной безопасности»; «со стороны Соединенных Штатов Америки постоянно совершались попытки войти в эту зону влияния СССР, в его “подбрюшье”. Собственно говоря, этот процесс мы наблюдаем сегодня».

Без обращения к смыслу «помощь» фиксируется и некая «благородная цель»: «Советские войска входили в Афганистан, чтобы прекратить начавшуюся там войну»; «мы хотели сделать Афганистан и наши отношения с ним эталоном для всех народов Среднего Востока и Центральной Азии».

Наконец, может просто утверждаться, что страна имеет право защищать свои геополитические интересы: «Афганистан имел для нас большое политическое и стратегическое значение»; «Ну и, конечно, не надо забывать о геополитической важности данных территорий. Например, для России»; «Россия имела (и имеет) в сопредельном Афганистане ничуть не меньшие интересы, чем Британия»; «Советский Союз — страна ничем не хуже других. Когда понадобилось, он вошел в Афганистан и прекрасно там воевал».

В одной из публикаций даже использован «эпитет», совершенно непредставимый в прессе доперестроечного периода: «Это была типичная колониальная война, последняя колониальная война двадцатого века».

Дискурс реагирует, таким образом, на исчезновение обязательной для периода жесткого партийного контроля за печатью пропагандистской составляющей и показывает подлинные цели советского руководства, принявшего политическое решение о вводе в Афганистан группировки советских войск.

Морально-политическое состояние войск

В соответствии с мифом

Уже было сказано о том, что советские солдаты характеризуются в мифологической схеме как патриоты-интернационалисты. Но на этом описание одного из субъектов конфликта не заканчивается. Хорошо известно, что мифы строятся на базе стереотипов, устоявшихся оценок, общепонятных суждений. Ранее отмечалось, что Апрельская революция характеризуется путем подтекстовой связи с Октябрьской. Точно так же советские войска времен Афганской войны характеризуются за счет отсылки к героизму участников прошлых войн: «Как и в годы Великой Отечественной войны, они (советские солдаты. — В. А.) проявляли образцы мужества и героизма. Лучше смерть, чем плен. Сотни примеров — свидетельство тому»; «Афганистан был идеальным полигоном для проверки истинно мужских, бойцовских качеств человека».

Кроме того, фиксируется многонациональный состав Ограниченного контингента: «Под бездонным афганским небом солдаты и офицеры мсд (мотострелковой дивизии. — В. А.) — русские и узбеки, киргизы и татары, украинцы и белорусы, как их деды и отцы в Великой Отечественной, выполняли свой солдатский долг честно и самоотверженно. Они воевали храбро и мужественно, отстаивая каждую пядь афганской земли, не оставляя на поле боя товарищей».

Разумеется, не случайно в перечень национальностей включены и те, кто исповедует ислам.

Разрушение мифа

Этот элемент мифологической схемы в военных СМИ в принципе не может быть полностью разрушен. Конечно, СМИ новой России показывают, что морально-боевой уровень советских войск был далеко не таким, каким он изображался в пропагандистском мифе. Отмечается наличие алкоголизма и прочих недугов разной природы: «В Афганистан из всех военных округов Союза направляли не самых лучших солдат, офицеров, попадались алкоголики, наркоманы, откровенные бездельники»; «до 60 процентов личного состава в опорных пунктах заболели только за один год».

Фиксируется недостойное поведение военных: «Многие пили без меры, от скуки искали “приключения”»; «В одной из КЭЧ офицеры завели козла и приучили курить сигареты с наркотиками»; «многие командиры стремились скрыть нарушения, не выносить сор из избы».

Однако констатация геополитических целей войны разрушает пропагандистский миф, но вовсе не перечеркивает заслуг солдата, защищающего интересы страны. Поэтому суждения о воинском мужестве и патриотизме сохраняются да вдобавок вводятся агрессивно, в полемике с теми, кто ре-

шил, что с развалом Союза на земле наступил всеобщий мир и вечная дружба народов. Авторы современной военной печати в подавляющем большинстве и сегодня категорически выступают против попыток «оболгать» подвиг советского солдата и офицера, против использования итогов войны в политической агитации, формирования в обществе комплекса побежденного: «...Ушибленные на голову журналисты, режиссеры и прочие “борцы за свободу”»; «в стране выросло целое поколение идиотов, которые свято верят в то, что мы везде и всюду проиграли»; «только идиотам из числа советских интеллигентов и их детей без разницы, кто стоит возле наших границ»; «гражданам, чей мозг наполнен дерьмом про “кровавую бойню”»; «советские интеллигенты, как обычно, чесали языками о бессмысленности всего происходящего»; «при чтении статей об афганской войне, просмотре передач становится обидно за наших воинов, и особенно за офицерский состав».

Взаимоотношения советских войск и афганского населения

Согласно мифу

Элемент мифологической схемы «цель — помощь Афганистану» позволяет подключать к мифу различные подробности военной кампании, которые рисуют «братские отношения» не только на уровне двух государств, осуществивших, хотя и в разное время, социалистические революции, но и на уровне человеческих взаимоотношений: «...В Кандагаре, Гардезе, Газни, Баграме наши бойцы, не задумываясь, шли на помощь мирному населению, подвергая свою жизнь опасности, выносили из руин стариков и детей, оказывали им всяческую помощь: медицинскую, продовольственную, а также снабжали водой»; «с глубокой благодарностью принимают местные жители бескорыстную помощь советских воинов»; «женщины и дети выбегали навстречу, вручали танкистам цветы».

Разрушение мифа

В более поздних публикациях указывается, что на самом деле население относилось к советским войскам далеко не так однозначно положительно: «По телевидению в те годы часто показывали красивые картинки, когда “освобожденный” народ Афганистана в поте лица вместе с советскими “шурави” занимался созидательным трудом. Действительность была не всегда такой благостной».

Изображение врага

Согласно мифу

При подаче стратегической цели как помощи Афганистану, при подчеркивании дружеского отношения населения к советским солдатам элемент

мифологической семьи *враг* должен был прорабатываться прессой по-особому. *Враг* тщательно отграничивался от афганского народа. Мы спокойно называли в разное время своих врагов немцами, французами, англичанами, но для мифа об этой войне название *афганцы* не годилось. Отсюда обозначение *моджахеды* (с фарси — борцы за веру), *душманы* (с фарси — враги): «Несколько недель не прошло со времени последнего налета душманов»; «против нас непримиримо были настроены моджахеды»; «в его (Афганистана. — В. А.) внутренние дела продолжают грубейшим образом вмешиваться империалистические силы во главе с США, китайские гегемонисты, военный режим Пакистана и прочие недруги. Они пытаются дестабилизировать обстановку в стране, реставрировать старые порядки. Враги Апрельской революции по сей день подготавливают и забрасывают в ДРА бандитов, которые из-за угла убивают партийных активистов, разрушают школы, терроризируют население».

Разрушение мифа

Новая пресса сняла запрет на точное обозначение противника. В полной мере показывается специфика «партизанской» войны: «...Очень многие афганцы воспринимали помощь как должное: тот факт, что они охотно брали керосин, муку и другие продукты, совсем не исключал внезапного нападения из засады»; «часто миролюбие того или иного кишлака держалось на своеобразной взятке: мы им продукты, они некоторое время не стреляют. Это называлось — “договорной” кишлак».

Особо подчеркивается бесчеловечность, неоправданная жестокость противника по отношению к пленным военнослужащим Ограниченного контингента: «Условия там страшные: стены, полы — каменные, спали на деревянных нарах, без каких-либо подстилок, кормили нас, как животных»; «мы, видимо, были обречены, нас охранники не считали за людей, издевались как хотели»; «под свист бичей с оловянными наконечниками безымянных “шурави” склоняли к принятию ислама, принуждали к исполнению религиозных обрядов».

Результаты войны

Согласно мифу

Журналистский военный дискурс периода войны видит в основном положительные результаты. По-прежнему вовлекает в миф информацию «цель — помощь Афганистану». Результаты войны описываются как достижения *мирного* труда воинов: «Воюя, они (советские воины. — В. А.) создали. На истощенной, обожженной войной, измученной земле Афганистана советскими людьми построено и восстановлено: 84 школы, лицея и училища, 25 больниц, 26 детских садов, 326 жилых домов, 35 мечетей, 48 ко-

лодцев, 53 моста, 4 дизельные электростанции, пробурена 41 скважина, электрифицировано 6 кишлаков, прорыто и восстановлено 117 км каналов и арыков»; «Наша страна подготовила тысячи афганских технических специалистов. Из каждых 100 крупных и мелких промышленных предприятий, построенных в ДРА за последние годы, 99 создано при участии СССР».

Повторяется мотив «дружественные отношения войск и афганского населения»: «...Тысячи жителей Афганистана провожали советские войска с сожалением, с цветами и слезами на глазах».

Вывод войск тоже получает интерпретацию на фоне мифологической схемы. Действительно, если цель войны — помощь дружественному государству, то, оказав помощь и продемонстрировав свое мастерство и мощь, армия может спокойно удалиться: «Причина ухода — не в военном поражении. Никакого поражения не было. Армия свои задачи выполнила успешно»; «советские военные показали себя грамотными профессионалами»; «Всего за время пребывания в Афганистане части и подразделения мсд провели 224 боевые операции, уничтожив 37 491 мятежника и захватив 7 260 единиц стрелкового оружия».

Разрушение мифа

Современная военная печать, оценивая политические и моральные итоги войны в Афганистане, в большей степени указывает на отрицательные ее последствия. Прежде всего, это рассказ о трагических потерях: «...Склоняя голову перед памятью более чем 14 тысяч воинов, погибших в Афганистане, мы помним, что до сих пор не прояснена судьба 272».

Фиксируется также то, что, грубо говоря, наша помощь впрок не пошла: революцию мы не спасли, а плоды «мирного армейского труда» разрушены. Так демифологизируется основной элемент мифологической схемы «цель — помощь Афганистану»: «...В итоге они (военные городки. — В. А.) достались душманам, были разграблены, разгромлены, сожжены»; «только на 20 процентах территории была установлена народная власть»; «мы в свое время в Афганистане слова не сдержали. Мы бросили тех, кто был нам предан, кто доверил нам жизни и судьбы, свои семьи и пошел с нами воевать против моджахедов».

В постсоветских публикациях особо подчеркивается, что участие Советского Союза в войне в Афганистане нанесло нашей стране большой внешнеполитический ущерб, способствовало ослаблению позиций СССР на международной арене. В ряде публикаций отмечается, что вмешательство во внутриафганский конфликт было использовано врагами СССР (здесь в первую очередь называются США) для его подрыва как в экономическом, так и в политическом плане, усматривается связь между трагедией распада Советского Союза и войной в Афганистане: «Афганистан стал отправной

точкой развала Советского Союза. Он создал условия, чтобы СССР сдетонировал экономически, национально-этнически и в результате политически»; «получилось так, что мы перенесли идеологическую войну к себе в страну»; «Американцы сделали все, чтобы мы там задержались и как можно больше потеряли и в политическом, и в экономическом отношении, и в социальном плане, чтобы они сами получили на этом фоне как можно больше политических обретений. Это все — приходится теперь признавать — состоялось»; «американцам было крайне важно негативный фактор мирового общественного мнения по поводу американо-вьетнамской войны перевести на что-то другое, и такой случай подвернулся».

Нужно отметить, что полному разрушению подверглись не все элементы мифологической схемы, созданной и поддерживаемой военной печатью во время войны в Афганистане. Некоторые были позднее лишь скорректированы. Например, в публикациях современной военной печати постоянно подчеркивается, что война в Афганистане инспирирована не только внешними врагами самого Афганского государства, но и противниками Советского Союза и социализма в принципе: «В Афганистане воевали совсем не с афганцами. Против нас активно действовал Пакистан, на чьей территории располагались душманские базы. Не менее активно действовали против нас США, которые как раз через Пакистан финансировали и снабжали врага. Помогал оружием коммунистический Китай. Поставляли мины итальянцы»; «вряд ли они могли бы серьезно воевать, если бы за ними не стояли Иран, Пакистан, Саудовская Аравия и, наконец, США»; «На территории Пакистана формировались, а затем перебрасывались в Афганистан боевые отряды, которые пытались дестабилизировать обстановку, захватить власть в провинциях и Кабуле».

Таким образом, мы можем видеть, что военный журналистский дискурс реагирует на изменение общеполитической ситуации в стране. Вместе с выводом войск и изменением государственной внешней политики, демократизацией общественной жизни военная печать отказывается от пропагандистского мифа военного времени и приступает к критическому осмыслению целей, хода и результатов войны в Афганистане. Этот процесс продолжается и сегодня.

Можно ли сказать, что вместо старого складывается новый миф о войне в Афганистане? Скорее всего, нет. Миф должен быть не только создан, но и принят. В условиях войны, когда есть срочная массовая потребность в истолковании и хотя бы приблизительном понимании текущего события, миф, наверное, возникает и без помощи «правлящей коммунистической партии». Форма мифа здесь самый подходящий инструмент для усвоения обществом новой информации. Но когда война в прошлом, никакой потребности в мифе нет. Сегодня идет осмысление уроков прошлого, и воспринимает эти уроки лишь тот, кому это необходимо или просто интересно. Так что совре-

менная пресса транслирует разные точки зрения на прошлое событие без поисков мифологической схемы, которая могла бы упростить дело. Простота эта сейчас не нужна. Это, однако, не означает, что она никогда не пригодится в будущем. Но это должен быть уже другой миф.

¹ Грознецкий И. Избирательные технологии: пределы и возможности // Избирательные технологии и избирательное искусство. М., 2001. С. 101.

² Подробнее см.: Попов С. Центральный миф в стратегии избирательной кампании // Избирательные технологии и избирательное искусство. М., 2001. С. 81.

³ Цуладзе А. Миф как политехнология // Избирательные технологии и избирательное искусство. С. 130.

⁴ Смыслы мифа: мифология в истории и культуре: Сб. в честь 90-летия профессора М. И. Шахновича. СПб., 2001. Вып. 8. С. 300 (Сер. «Мыслители»).

⁵ Погорелый М. Редакционная политика российских СМИ в освещении военных вопросов // Современная российская военная журналистика: опыт, проблемы, перспективы / Ред.-сост. М. Погорелый и И. Сафранчук. М., 2002. С. 122.

⁶ Там же. С. 124.

⁷ Лозовский Б. Н. Журналистика и средства массовой информации: Крат. слов. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2007.

⁸ Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995. С. 194.

⁹ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 407.

¹⁰ Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 36.

Статья поступила в редакцию 17.01.2008 г.

А. Ю. Быков

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЖУРНАЛИСТИКИ

При всем многообразии используемых методов журналистской науке до сих пор не хватает четкости в определении самого предмета исследования — журналистики. Без отчетливого представления об основных категориях, понятиях исследуемого явления невозможно корректно выстроить теоретическую основу любой научной дисциплины. Более того, в этом случае возникают сложности и в определении сути практической деятельности. Встает целый ряд вопросов: каковы приоритеты в подготовке специалистов, как будет развиваться отрасль и т. д.

БЫКОВ Алексей Юрьевич — кандидат политических наук, заведующий кафедрой телевидения и радиовещания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (E-mail: zarsmi@gmail.com).

© Быков А. Ю., 2008